

Служитель
Аполлона —

Александр
Бенуа

L. BAKST

Виктор Меркушев

Служитель Аполлона
– Александр Бенуа

«Знакъ»

2020

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Меркушев В. В.

Служитель Аполлона – Александр Бенуа / В. В. Меркушев —
«Знакъ», 2020

ISBN 978-5-91638-161-0

Вспоминая имена выдающихся деятелей отечественной культуры, на память в числе первых приходит фамилия Бенуа. Александр Николаевич Бенуа, художник-график, искусствовед, живописец и художник театра – самый яркий представитель этой славной фамилии. Настоящее издание является попыткой понять и осмыслить его сложный творческий феномен.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91638-161-0

© Меркушев В. В., 2020

© Знакъ, 2020

Содержание

«Мне жизни дался бедный клад, с его неясными словами...»[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Меркушев

Служитель Аполлона – Александр Бенуа

© Меркушев В.В., составление, 2020

© «Знакъ», 2020

«Мне жизни дался бедный клад, с его неясными словами...»¹

*«Герою этой истории надо ставить памятник...»
А. Эфрос. «Бенуа»*

«Деятельность же моя отнюдь не ограничивалась театром. Я и художественный критик, я и журналист, я и просто живописец, я и историк искусства... Если идти по линии тех разных дел, которые я возглавлял и коими заведовал, то я был и редактором двух весьма значительных художественных журналов, я был в течение трёх лет и чем-то вроде содиректора Московского Художественного театра, я был и полновластным постановщиком в Большом Драматическом театре в Петербурге, я был управляющим одним из самых значительных музеев в мире – петербургским Эрмитажем и т. д. Всё это, правда, относится к царству, подвластному Фебу-Аполлону, но не могу же я на карточке поставить: Александр Бенуа, служитель Аполлона».

Казалось, сама судьба с первых дней жизни Александра Бенуа позаботилась об успешности всех его начинаний. А их значение в русской и мировой культуре сложно переоценить. Он известен не только как одарённый график и живописец, деятель театра и кино, искусствовед-энциклопедист и талантливый литератор (хотя всего этого вполне бы хватило на полдюжины полновесных биографий), но и отмечен как выдающийся музейный работник и активный пропагандист искусства, организатор художественных выставок и гастролей балета.

Александр Бенуа был младшим ребёнком в многочисленной семье архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, основателя славной династии, давшей миру плеяду известных представителей отечественной культуры, которая не заканчивается Лансере и Серебряковой, а продолжается и по сию пору. Будучи «из всех архитекторов своего времени наиболее чуткой художественной натурой», Николай Бенуа воспитывал своих детей в атмосфере творчества и почитания культурного наследия мировой цивилизации, предоставляя им возможность проникнуться значимостью и красотой искусства. Не меньшей задачей глава семейства считал необходимость прививать домашним хороший вкус и нетерпимость к дилетантизму – весьма распространённому явлению последней трети XIX века. И, разумеется, как градостроитель, отразивший в своей деятельности тенденции и устремления эпохи, как знаток и ценитель зодчества, Николай Леонтьевич передал детям собственное чуткое отношение к городу, к великолепию и славе которого был непосредственно причастен архитектурным творчеством. «Своим культом Санкт-Петербурга как целого я в значительной степени обязан своему отцу», – писал в воспоминаниях Александр Бенуа. Семья во многом способствовала развитию талантов ребёнка, наделённого удивительной зрительной памятью, редким музыкальным слухом и превосходным артистическим даром. «Однако среда средой (не мне отрицать её значение), но всё же, несомненно, во мне было заложено нечто, чего не было в других, в той же среде воспитывавшихся, и это заставляло меня по-иному и с большей интенсивностью впитывать в себя всякие впечатления», – вспоминал своё детство сам герой нашего повествования.

Сколь красочны и существенны были эти впечатления можно судить по его мемуарам, где автор внимательно и подробно разбирает всякую «мелочь», пленившую его богатое воображение. Великолепной россыпью удивительных подробностей Александр Бенуа сопровождает свои литературные «петербургские пейзажи», а также пейзажи его окрестностей: Петергофа и Ораниенбаума, Павловска и Царского Села, Гатчины и прилегающей к Петербургу части Финляндии. Словно живые вырастают перед читателем узорчатые башни Нового Петер-

---

¹ Александр Пушкин

гофа, дышат прохладой и умиротворением парки принца Ольденбургского, пленяют влажными тенями аллеи Сильвии с её тёмными бронзовыми статуями и предстаёт во всю свою исполинскую ширь Камеронова галерея, в нишах которой в вычурных позах стоят каменные мифологические персонажи.

И как бы ни подчёркивал автор свою «особость» среди остальных братьев и сестёр, в своих воспоминаниях семье и её окружению он уделил столько внимания и места, что становится совершенно ясно, что именно семья сыграла основную роль в становлении личности художника, писателя и искусствоведа. Александр Бенуа пишет: «...Моё положение в семье было особенным. Явившись на свет после всех и без того, чтобы у родителей могла быть надежда, что за мной последуют и ещё другие отпрыски, я занял положение несколько привилегированное, какого-то Вениамина. Я не только пользовался особенно нежной заботой со стороны моих родителей, но был как бы опекаем и всеми сёстрами и братьями. Особенно нежны были со мной сёстры, годившиеся мне по возрасту в матери (старшей был 21 год, когда я родился, а младшей 20 лет). Но и братья всячески меня баловали, заботились обо мне и каждый по-своему старался влиять на моё воспитание. Всё это подчас не обходилось без маленьких драм и недоразумений, без ссор и обид; иные заботы и попечения принимали неприятельский для меня оттенок, и тогда я всячески против таких посягательств на мою независимость восставал. Однако в общем мы все жили дружно, и о каждом из братьев и сестёр я храню добрую и благодарную память...»

Размышляя о своём детстве, Александр Бенуа при всяком удобном случае подчёркивает своё нерусское, итало-французское происхождение и космополитичность, оговариваясь, правда, что он всегда являлся и является гражданином и патриотом Санкт-Петербурга, самого нерусского города во всей России. Чего здесь на самом деле было больше – истинного ощущения себя как наследника великой культуры Франции и Италии или всё-таки рефлексии на консервативный, религиозно окрашенный русский патриотизм рубежа веков? Хотя выпустившему «Историю живописи всех времён и народов», написанную для русского читателя и измененную западническими мировоззренческими лекалами, вполне логично было оказаться космополитом. В главном искусствovedческом труде своей жизни современную ему Россию Бенуа представляет воскресшей Византией, со всем её догматизмом, «целительным мраком» и утомительным светом. Он пишет: «Недаром же Византия из самой “загнанной” области истории искусства привлекает теперь самый жгучий интерес. Недавно ещё это искусство казалось “чуждым варварством”, теперь оно начинает казаться близким и родным. Вся “одичавшая эстетика” первых столетий нашей эры, её ребячество и упрощённость по сравнению с периодами предшествующими и последующими, кажется для нас снова прельстительной. В частности, элементы этого одичания: преследование роскошной декоративности, наслаждение яркой красочностью, забвение многих знаний (или мертвенное к ним отношение), наконец, тяготение к загадочному символизму и схематичной стилизации, всё это то самое, что нас теперь волнует, и в чём мы даже видим какое-то предельное достижение. Мы – византийцы, или, по крайней мере, те поздние римляне и эллины, которые не сумели (и, по воле судеб, не должны были) отстоять грандиозную, простую, самодовлеющую красоту, доставшуюся от отцов и дедов. Для достижения “настоящего византизма” нам не хватает лишь внешних событий».

Предки Бенуа по отцовской линии были из Франции, провинции Бри, из местечка Сент-Уэн, находящегося неподалёку от Парижа. «Мы не можем похвастать благородством нашего происхождения, – свидетельствует о своей генеалогии Александр Бенуа. – Самый древний из известных нам предков Никола Дени Бенуа значится на родословной, составленной моим отцом, в качестве хлебопашца, – иначе говоря, крестьянина. Женат он был на Мари Аеру, очевидно, тоже крестьянке, но уже сын их – Никола Бенуа (1729–1813) успел значительно подняться по социальной лестнице. Этот мой прадед получил достаточное образование, чтобы самому открыть школу, в которой воспитывались и его собственные дети».

«Мои предки с материнской стороны, – продолжает рассказывать о себе Бенуа, – пожалуй, более “декоративны”, нежели предки с отцовской. Они принадлежали если не к венецианской знати, то к зажиточной буржуазии Венеции. В XVII веке какой-то Кавос – бывший, если я не ошибаюсь, каноником одной из главных церквей Венеции, сделал щедрый дар библиотеке Сан-Марко, а мой прапрадед Джованни Кавос состоял директором театра “Фениче”. Сын его Катарина был необыкновенно одарён в музыке. Двенадцатилетним мальчиком он написал кантату в честь посетившего Венецию императора

Леопольда II, а в четырнадцать сочинил для театра в Падуе балет “Сильфида”. Концерты, которые он давал в “Скуоле Сан-Марко” (что близ церкви Сан-Джованни в Паоло) и в соборе Св. Марка, пост органиста в котором он получил по конкурсу, привлекали толпы венецианских меломанов. Однако после падения Республики Катарина, как и многие его сородичи, предпочёл отправиться искать счастья в чужие края, и после короткого пребывания в Германии он оказался в Петербурге, где талант Катарина Кавоса был вполне оценён и где он вскоре поступил на службу в императорские театры».

Будучи носителем множества талантов, наш служитель Аполлона всё-таки в первую очередь считал себя художником, в его случае, в самом полном значении этого слова. Найдётся немного деятелей культуры и искусства, которые столь подробно и так осмысленно описывали этапы своего творческого становления, как это делал Александр Бенуа. Вот, к примеру, один из таких пассажей, относящийся к самому раннему периоду его жизни:

«Одно можно только сказать про художников (точнее, про тех, кто готовятся стать художниками), – что для них общий закон не писан, а писан иной закон.

Им нужна своеобразная “эстетическая и моральная гигиена”. Я при этом вовсе не имею в виду какое-либо преимущество художественных натур перед другими; не в том интерес – выше ли, ниже ли стоит художник по сравнению с другими людьми, а в том, что, несомненно, он обретается в какой-то иной плоскости и, пожалуй, именно в этом весь смысл его существования. Моральное развитие художника должно идти своим особым путём, и этот путь лежит в иной сфере, нежели моральное развитие “простых смертных”. Вся его натура так устроена, что даже в самом своём бессознательном периоде он по-особенному выхватывает из окружающей жизни то, что ему может “пригодиться”...»

И многое из впечатлений детства ему действительно «пригодилось». Это и «газовый дух», наполняющий коридоры и залы казённых театров; и «зрелище люстры и занавеса», пленяющее чуткое детское воображение; и мечущий столбы искр «локомотив, въезжавший на сцену, покрытую снегом, и большущий, прыгавший по волнам пароход...» Всё это в дальнейшем, особым образом преломилось в сознании художника, «обозначившись» в его непосредственной творческой деятельности как постановщика и живописца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.